

ИИСУС ХРИСТОС (греч. Iesous — калька ивритск. Jesua, Jehosua — помощь Яхве, спасение; греч. Christos — помазанник, эквивалент ивритск. Mashiah — мессия, спаситель) — в традиции христианства — богочеловек, обладающий всей содержательной полнотой как бытия Абсолюта, так и человеческой экзистенции (библейские «сын Божий» и «сын человеческий»); второе лицо в структуре Троицы, Бог-Сын, воплощающий в себе Логос слова Божьего; посредник между Богом и людьми, устами которого Господь возвещает истину откровения (ср. с непосредственным явлением Бога Моисею в Ветхом Завете); искупитель, чья крестная жертва спасает человечество от проклятия первородного греха (см. славян. Спас и греч. Soter — спаситель; отсюда сотериология как теория спасения). (1) — В образе И.Х. характерный для теизма вектор личностной артикуляции персонифицированного

Бога находит свое максимальное проявление: Абсолют обретает не просто персонифицированный облик, но подлинно экзистенциальные человеческие черты, оказываясь открытым не только для диалогического откровения, но и для страдания, а значит, — сострадания и милосердия, инспирируя фундаментальный переход европейской культуры от «религии страха» (по терминологии Фромма) к «религии любви». За редкими — на грани ересей — исключениями И.Х. является центральным семантическим узлом вероучения практически для всех христианских конфессий (феномен христоцентризма), задавая остро артикулированную интенцию понимания откровения как личного и личностного контакта, что порождает в христианстве богатейшую традицию мистики. Идея искупительной жертвы И.Х. обуславливает в христианстве интерпретацию сотериологии как централизованной фигурой И.Х. в качестве Спасителя (ср. с идеей Машиаха, которая, будучи эксплицитно выраженной, тем не менее, не фундирует собою иудаизм: «если ты садишь дерево и услышал о приходе Машиаха, закончи работу свою, а потом иди встречать Машиаха»).

Христианский Символ веры, основанный на идее вочеловечивания Бога, задает в европейской культуре человекосоразмерную парадигму божественного служения, понятого не в качестве дискретного героико-экстатического подвига, обращенного к Абсолюту, но в качестве неизменного достоинства и перманентно повседневного милосердия в отношении к ближнему (не экстремум, но норма: с любовью, но не со страстью), делая акцент не на человечестве, но на человеке («...Жаждал, и вы напоили меня... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне» — Мф, 25, 35—40).

В образе И.Х., акцентирующем не громовую мощь, но тихий глас Божий, в качестве основы и истока не только вселенского могущества, но и подлинной свободы выступает не внешняя (физическая или социальная) сила, но душевный покой (мир) и самообладание — парадигма силы духа, фундирующая собою в качестве своеобразной сакральной программной ценности всю европейскую культуру. (2) —

Центральная фигура европейской (и в целом — западной) истории — вне зависимости от результата многовековой полемики между исторической [А.Луази, М.Гогель, Л.Дюшен, Тюбингенская школа (Ф.К.Баур, А.Гингельфельд, К.Кестлин, Г.Пданк, Г.Фолькмар, Э.Целлер), Д.Штраус, Ю.Вельхаузен, В.Вреде, А.Гарнак, Э.Ренан, А.Ритчль, В.Вейс, Р.Бультман и др.] и мифологической (от Ш.Дюпюи, К.Вольнея, Б.Бауэра — до Дж.Робертсона, Т.Уайттекера, А.Немоевского, Э.Мутье-Руссе, П.Кушу, У.Б

.Смита, А.Древса и др.) школами христологии, — семантически центрирующая и темпорально структурирующая фундирующее западную культуру видения исторического процесса (см. Социальное время): от принятой системы летоисчисления (как новой системы отсчета в истории человеческого духа — от Рождества Христова) до векторно-ориентированной в будущее (идея второго пришествия и Царства Божьего — ср. с отнесенными в прошлое дохристианскими мифологемами сакрального времени как возводимого к легендарному моменту имеющего креационную семантику брака земли и неба или философскими концепциями «золотого века») модели истории, что задает в западной культуре ценностный приоритет будущего перед прошлым и настоящим (см. Надежда).

История христианской церкви на протяжении 2—18 вв. знала не менее 24 человек, дерзнувших претендовать на имя И.Х. (все казнены). (3) — Культурный символ высшего порядка, центрирующий западную культурную традицию как в смысложизненно-аксиологическом, так и в программно-парадигмальном планах: с одной стороны, фундируя характерную для Европы систему ценностей, с другой — задавая в контексте европейской культуры поведенческие сценарии, во многом альтернативные исходному западному активизму (препоручение себя в руки Божьи и делегирование Христу как Спасителю решения собственной судьбы), индивидуализму (нормативная максима любви к ближнему), рационализму (концепция откровения) и волюнтаризму (парадигма смирения), а также утверждая в контексте доминирования универсально-логического типа культурных программ острую артикуляцию значимости личного прецедента. Именно посредством образа И.Х. христианство сохраняет в контексте европейского целерационального технологизма и интеллектуализма артикуляцию любви как верховной ценности человеческой жизни (см. нетипичное для Европы, но все же присутствующее в ее тезаурусе: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем — преклоняю колени» — Л.ван Бетховен). Символ И.Х. в предельно концентрированном виде выражает генетическую амбивалентность, специфичную для христианской

Европы и генетически восходящую как к рационализму античной, так и сакральной мудрости ближневосточной традиций (по формулировке Тертуллиана: «что общего между Афинами и Иерусалимом? У Академии и Церкви?»). Аксиологически акцентированный культурный статус И.Х. как воплощенного

Слова (Иоанн, 1, 14) актуализирует и наполняет сакральным смыслом исконно присущие западной традиции логико-вербальную ориентацию, когнитивный и праксеологический оптимизм и интеллектуализм. Вместе с тем, переосмысление основополагающего для европейской культуры феномена Логоса в качестве Бога-Сына — наиболее персонифицированно индивидуального и экзистенциально значимого лика в структуре Троицы — конституирует западную традицию как парадоксальный синтез трансцендентальных и экзистенциальных ориентации, задавая в ее контексте специфический вектор фундаментального аксиологического дуализма.

Последнее обстоятельство фундирует собою принципиальную нелинейность исторического разворачивания содержания западной культуры, имманентную интенцию на вариабельность мышления и парадигмальный плюрализм, достигающий своего максимального проявления в интерпретационной стратегии постмодерна (см. Языковые игры). Оценивая роль идеи И.Х. в истории человечества,

Эко писал о том, что чудо Мессии (в контексте богословского его понимания) может быть сопоставимо с чудом возникновения идеи И.Х. (в контексте атеистического ее понимания — см. Атеизм) в человеческой культуре: если «допустить хотя бы на одну секунду гипотезу, что Господа нет, что человек явился на землю по ошибке нелепой случайности, и предан своей смертной судьбе, и мало того — приговорен осознавать свое положение, и по этой причине он — жалчайшая среди тварей», то «этот человек, ища, откуда почерпнуть ему смелость в ожидании смерти, неизбежно делается тварью религиозной, и попытается сконструировать повествования /см.

Нарратив — М.М., АТ., А.М./, содержащие объяснения и модели, создать какие-нибудь образы-примеры. И среди многих примеров, которые ему удастся измыслить, в ряду примеров блистательных, кошмарных, гениально-утешительных — в некий миг полноты времен этот человек обретет религиозную, моральную и поэтическую силу создать фигуру Христа, то есть образ всеобщей любви, прощения врагам, историю жизни обреченной холокосту во имя спасения остальных... Будь я инопланетянин, занесенный на Землю из далеких галактик, и окажись я перед лицом популяции, способной породить подобную модель, я преклонился бы, восхищенный толикой теогонической гениальности, и почел бы эту популяцию, мизерную и нечестивую, сотворившую столь много скверн, — все искупившей, лишь тем, что она оказалась способна желать и верить, что вымышленный ею образец — истинен». По мысли Эко, даже «если бы Христос был не более чем героем возвышенной легенды, сам тот факт, что подобная легенда могла быть замыслена и возлюблена бесперыми двуногими, знающими лишь, что они ничего не знают, — это было бы не меньшее чудо (не менее чудесная тайна), нежели тайна воплощения сына реального Бога», — и «эта природная земная тайна способна вечно волновать и облагораживать сердца тех, кто не верует» (Эко).

ИИСУС ХРИСТОС

Автор: словарь
27.05.2008 01:34 -

М.А. Можейко, А.А. Грицанов, А.И. Мерцалова